

Петр Нилус

КРАТКАЯ ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ СЕМЕНА ЮШКЕВИЧА

Из книги С. Юшкевича "Семь дней и др. рассказы".
Париж, 1933 год.

Маленькому Сене было два с половиной года, но у него уже проявились все инстинкты, открылись полные внимания уши, глаза, определялся своеобразный характер. Все способствовало его раннему развитию: большой портовый город Одесса, в котором он родился, место, где прожил до юношеского возраста, люди, которые его окружали.

Семья жила недалеко от порта, у обрыва, под которым расположена старейшая часть города; сперва на Военном спуске в д. Ковалевского (где родился Семен Соломонович Юшкевич в 1869 году), а впоследствии на Приморской улице, в доме барона Стюарта, неподалеку от дома Ковалевского.

Одесса была тогда одним из богатейших портовых городов Европы, торговала со всем миром. Жизнь порта пестрой волной проходила мимо самих окон домов Ковалевского и Стюарта. Бесконечные вереницы разных видов телег, платформ, груженых колониальными товарами, тянулись бесконечным, медленным, широким потоком. Апельсины, лимоны в раздувшихся пахучих ящиках, бочки вина, коринка, ваниль, перец, грецкие орехи — все это благоухало и волновало воображение, а навстречу им продвигались тяжелые возы и "биндюги" с мешками пшеницы, ржи, ячменя, муки. Днем и ночью в порту кипела работа — разгружались суда. Турки, греки, кавказцы, местные "босьяки", полуголые грузчики, торговцы у лотков, скрежетание лебедек — все это наполняло приморскую часть Одессы днем и ночью шумом и гамом большого порта.

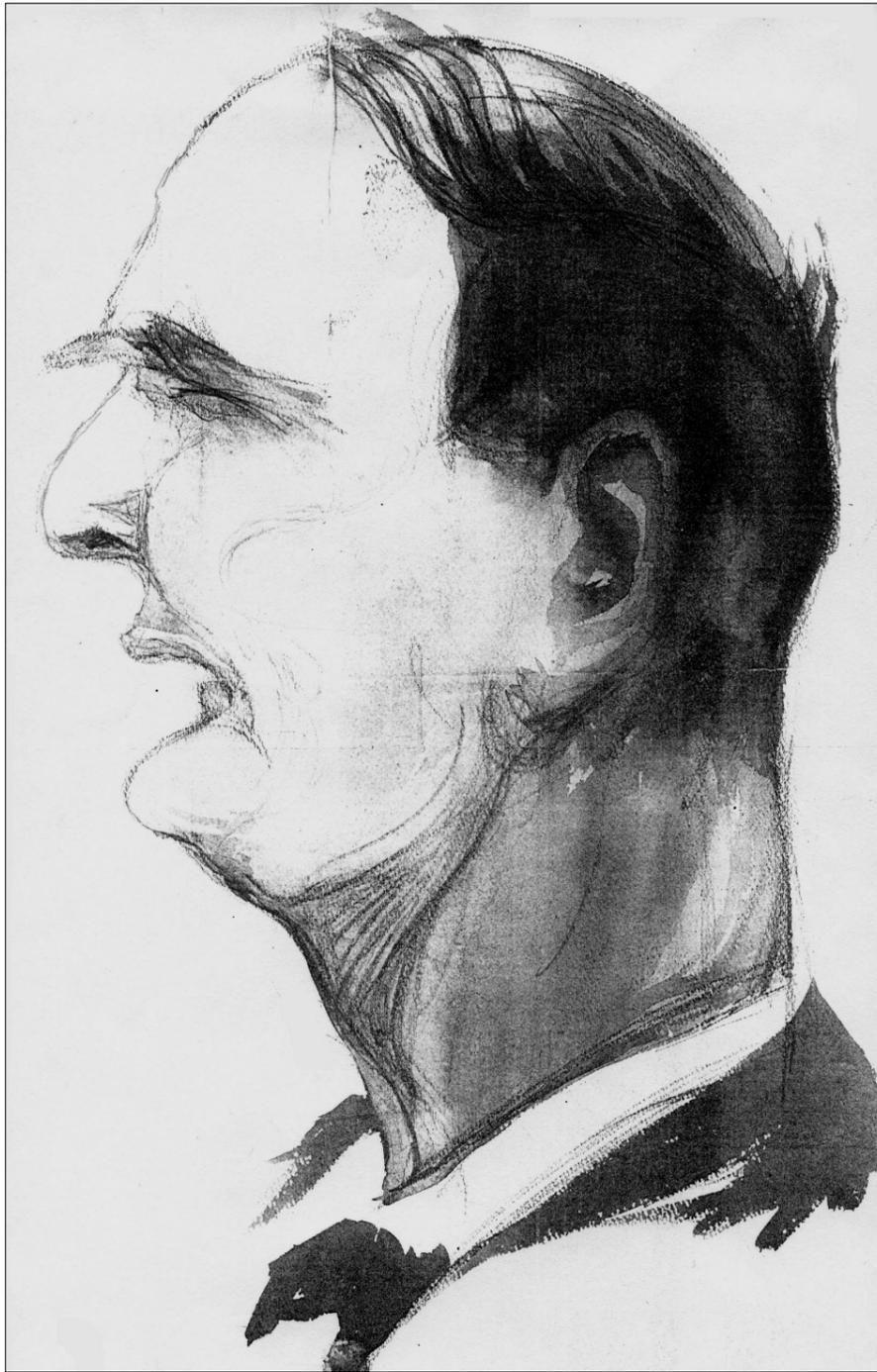
Вдоль прилегающих к порту улиц было множество лавок, торговавших самым разнообразным товаром. Среди них была торговля Соломона Мойсеевича и Анны Григорьевны Юшкевичей, там же они и жили с многочисленной семьей, менявшейся в своем составе. Всех детей было четырнадцать, но болезни уносили слабейших, так что основная семья состояла из отца, матери, бабушки (по матери), трех братьев и сестры, но был момент, когда в семье росли восемь детей.

За домом, в котором помещалась лавка, шел огромный двор с квартирами, конюшнями; тут же, во дворе, была и знаменитая голубятня Соломона Мойсеевича. За двором подымался обрыв, шедший вверх площадками, заросшими кустарниками глота, сирени, акациями, укусными деревьями, тамарисом. С террас обрыва открывался вид на море, на залив — с гаванями, волнорезами, маяком, пакгаузами, домами, заводами, за которыми пестрой стеной возвышались паруса, мачты, трубы, откуда доносились уханье катеров, гудки пароходов, свистки локомотивов. И все это, залитое южным солнцем, живое и волнующее — все это были первые впечатления маленького Сени.

Про капризы, шалости, выдумки Сени в семье сохранилось много анекдотов.

В 1871 году, в дни Пасхи, когда в Одессе разразился первый погром, Соломон Мойсеевич устроил семью в гостинице. Сене тогда было два с половиной года. Оставшись среди перепуганных женщин, он капризничал невероятно, надоедал всем, упрямо требую, чтобы ему сделали шляпу из мацы... Нередко на улице, если ему отказывали в чем-либо, особенно — купить сластей, садился на землю и не вставал до тех пор, пока не исполняли его желания. Однажды, за что-то наказанный, в холодный зимний вечер он исчез; его принялись искать всем домом с фонарями — нигде не было! Наконец, его нашли на дереве и принуждены были силой стащить оттуда.

Когда Сене было три года, его определили в еврейское училище, в котором, впрочем, преподавали на русском языке. В школе ученики проводили весь день. Служители, провожавшие детей в школу и обратно домой, обыкновенно отымали у них большую часть еды, которую они брали с собой, а учителя жестоко поколачивали своих питомцев. Школа не понравилась Сене... И вот он уверил всех, что у него болит нога, захромал... Его оставили в покое, и только через два года он снова поступил в эту школу.

Семен Юшкевич.

Шарж М. Линского.

Воспитанием детей никто не занимался. Присматривала за детьми бабушка, которая, в то же время, была занята и по хозяйству, и в деле.

Мать, высокая, статная, красивая женщина, обладала замечательным практическим умом, отличалась живостью, общительностью. Дела, хозяйство, многочисленная семья были для нее тяжелой жизненной ношей, и нет ничего удивительного, что она была всегда взволнована, раздражена, вечно на что-нибудь жаловалась, всем была недовольна. "Матери, хлопотливой и всегда огорченной женщины, мы не боялись", — замечает Семен Соломонович Юшкевич в "Очерках детства"¹. И дальше: "...всегда она что-то требовала, пророчила, жалуясь на свое бессилие справиться с нами. Или причитала о том, что годы летят и мы вырастем легкомысленными людьми, никуда не годными, ни на что не способными, будем нищими, так как время уже не такое, как прежде". И при всем том она обладала, как большинство женщин ее склада характера, несокрушимой энергией.

Отец внешнеюстью, душевным обликом, жизнью представлял собой исключительную фигуру, особенно среди еврейства. Великан, человек легендарной силы, на голову выше сыновей, отличавшихся большим ростом, часто мрачный, вспыльчивый, он был в то же время необычайно добр. В молодости знаменитый кулачный боец, гроза парней Слободки и Пересыпи, он не любил торговли, не был жаден до денег; с принятием в дело компаньона (брата жены) он освободился от неперемного личного участия в торговле — и занял своей жизнью. Он был страстный голубиный охотник. За пару редких голубей плачивал по двадцать пять, пятьдесят рублей, что для того времени было неслыханным. Он водил компанию с охотниками и разными "странными" людьми, которых мать на порог к себе не пускала, предпочитая знакомства с теми, "кто богател, делал дела". В свою очередь, отец ненавидел знакомых жены, эти

знакомства приводили его в ярость, вызвали в доме вечные ссоры.

Соломон Мойсеевич был человек мало религиозный и только в большие праздники брал места в синагоге.

"Отец по характеру был большевиком, ненавидел все буржуазное", — рассказывает Михаил Соломонович Юшкевич.

Мать любила детей до безумия, но их было много, трудно было управиться с ними; она постоянно надоедала отцу жалобами на детей; эти жалобы иной раз оканчивались тем, что отец порол детей самым настоящим образом...

Дети боялись отца, но и любили его; всегда озабоченный, сумрачный, в веселые минуты он светлел — и тогда благоволение и радость разливались в семье. Отец отлично играл на гитаре и подпевал, у матери в молодости был голос.

Отец не любил рассказывать о себе, но кое-что о подвигах его молодости доходило до семьи и окружало отца ореолом славы, таинственности. Вот один из самых знаменитых подвигов Соломона Мойсеевича. Однажды, в воскресенье, он отправился с племянником на голубиный рынок. Повздорив из-за чего-то с продавцом, он ударил его; ответить продавец побоялся, тогда за него заступилась вся Охотницкая... Племянник в ужасе помчался за будочником. Возвращаясь, он был уверен, что дядя избит, но, к его удивлению, Соломон Мойсеевич справился с толпой и похаживал победителем с налившимися кровью глазами и раздувшимися ноздрями.

Детство маленького Сени наполовину протекало на людях. Дома было жить скучно. Вечные деловые разговоры... Отец был очень непрактичен и, в то же время, уверен, происходили частые ссоры. Родителей озабочивало будущее детей — мать хотела видеть их непременно коммерсантами или купцами, отец не соглашался, он чувствовал важность образования, и опять — споры, пререкания...

(Продолжение на 12-й стр.)

Петр Нилус.

Рис. Л. Пастернака.

¹ По свидетельству Мих. Солом. Юшкевича, в этих очерках очень много вымысла.

КРАТКАЯ ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ СЕМЕНА ЮШКЕВИЧА

(Продолжение. Начало на 11-й стр.)

Только одна бабушка, бывшая ближе к детям, лучше понимала их, скрашивала их жизнь лаской, сказками. Между прочим, бабушка обыкновенно спала со своим любимцем Сеней.

Сеня, как только было возможно, ускользал из дома во двор, на улицу, в затишье пустырей, окружавших дом. Сделавшись старше, он по целым дням пропадал у соседей или уходил в город к знакомым, родне, которая его очень любила, или бродил по улицам в порту. Его всегда тянуло к взрослым, черта обычная у одаренных детей, с ними у него завязывались отношения равного к равному. Жизнь жильцов маленьких квартир в большей своей части проходила во дворе, и этот натуральный театр страстно притягивал все внимание Сени, который никогда не ограничивался ролью зрителя — он принимал самое деятельное участие в жизни двора: резонировал, спорил, мирил и при всяком удобном случае заводил игру в карты... Знакомился он без разбора, с кем попало. Однажды мать встретила его на улице, принимавшего непосредственное участие в бродячей рулетке, где за пятак можно было выиграть галантерейную мелочь, леденцы.

Мать пришла в ужас, разразилась таким потоком слез и нравоучений, что даже Сеня, на которого вообще не действовали ничьи советы и увещания, испугался.

Учился он, разумеется, плохо, так как это было скучно; слишком занятый мир окружал его: море, вечное купанье, порт, голубятня, город, рынок. Потом игры, самые разнообразные, охота в пустырях за насекомыми, лягушками, разные приключения в чужих огородах, садах, за что иногда приходилось жестоко расплачиваться...

Соломон Мойсеевич любил, понабив кошелек деньгами, ходить по воскресеньям на Охотничью, потом шел с приятелями в трактир, широко угощал, раздавал деньги. А за соседним столом сидели дети-подростки, прислушивались к болтовне и хвастовству охотников — и тогда "папа" казался им необыкновенным, прекрасным, всемогущим... Бывало, в веселую минуту Соломон Мойсеевич неожиданно решал доставить удовольствие семье — ехали на волнорез, с самоваром, закуской, самоловками на целый день...

Очень хороши страницы в "Очерках детства", изображающие день на волнорезе, купанье с лодки. Отец, могучий пловец, учит своих мальчиков плавать. От этих страниц веет любовью к "папе", как его всегда называл, вспоминая, Семен Соломонович, который, кстати сказать, чрезвычайно походил на отца.

В детстве Сеня был тонок, высок, ширококост. Живой, шумливый, талантливый мальчик привлекал к себе и детей, и взрослых, хотя нрав имел занозистый — посмеяться, поиздеваться был великий мастер уже в детстве. Драчливый, однако, не был, хотя именно в драке получил удар кулаком в сердце. Не был ли этот удар отдаленной причиной его последней болезни?

В детстве он уже проявил свой талант к дружбе, и по некоторым намекам из "Очерков детства" можно судить о том, как горячо он любил брата Павла, первых друзей. С некоторыми из них он всю жизнь водил дружбу.

С виду беспечный, "заразительно веселый", он всегда чем-нибудь мучился, волновался, выдумывая несуществующие страхи. Часто среди ночи просыпался и пробирался к спальне матери, прислушиваясь: жива ли она? То ему представлялось, что должно случиться что-то ужасное, то он видел мучительные сны, задумывался о смерти...

Кое-как Сеня окончил начальную еврейское училище и поступил во вторую одесскую гимназию. Учился он из рук вон плохо — ленился невероятно, шалил, дерзил. Постоянно вызывали родителей в гимназию, окончились тем, что он был уволен из третьего класса за крайнюю лень... Были

проекты отдать его в науку к какому-нибудь ремесленнику... но отец не соглашался — а спорить с отцом было трудно.

Началось домашнее обучение. И вот в это время впервые проявляются в Сене инстинкты творчества — ему было тогда около пятнадцати лет²⁹. И вот он вместе с одиннадцатилетним младшим братом пишет пьесу... Писали сцену за сценой по очереди... и потом, прочитывая написанное, "страшно наслаждались и гордились", пишет Павел Соломонович. С тех пор он начинает писать; пишет что попало: что-то вроде газетных заметок, статей, рассказов, которые, конечно, нигде не принимались. Брат, Павел Соломонович, вспоминает об одной такой статейке "об одесских цирюльниках"... "Я был в восторге от этой статьи... — пишет Павел Соломонович, — и оба мы были убеждены, что уж это-то будет напечатано"... Брат Павел был всегда поклонником, советчиком и критиком Сени, несмотря на то, что между ними разница в летах была четыре года. Но неудачи не охлаждали пыла Сени, он писал неудержимо, что, конечно, отражалось на учении, которое затягивалось. Неудачи его тогдашних писаний объясняются тем, что до пятнадцатилетнего возраста он почти не читал ничего, кроме сказок... Но, конечно, дошла очередь и до "лихорадочного" чтения... Очевидно, большое впечатление произвел на Сеню "Дон Кихот", и он начинает писать, подражая Сервантесу, поэму о некоем Кара Тараре, который странствует по русским городам и весям, сопровождаемый множеством комических приключений. От приключений Кара Тарара, как пишет Павел Соломонович, ведут прямые нити к комедиям будущего драматурга. Павел Соломонович, тогда гимназист пятого класса, с товарищами издавал "журнал", куда с особым почтением переписывались отрывки из бесконечной "Кара Тарара"...

В конце концов, Сеня выдержал экзамен в пятый класс и с прогимназическим свидетельством поступил в аптекарские ученики — с тем чтобы после двухгодичного стажа держать экзамен на помощника провизора. И теперь, как и в детстве, уже подросток, Сеня "нарядно с заразительным весельем, порывами всякого рода, безрасудствами, ухаживаниями" грустит, задумывается, часто пугает брата своим безнадеем настроением. "Это меня замучивало иногда; я дрожал, боясь, чтобы в приступе тоски он чего-нибудь не сделал с собой", — пишет Павел Соломонович. Сене шел тогда, вероятно, 16-й год; это было время буйного пробуждения молодых сил, предоставленных самим себе, которые его заносили Бог знает куда...

Вот что пишет сам о себе Семен Соломонович в "Клочках прошлого", написанных по случаю 25-летнего юбилея. "В пятнадцать лет я чувствовал себя Титаном, я не признавал ничьего авторитета, весь мир был для меня противником, которого я должен был победить. Я презирал тех, кто признавал над собой чью-либо духовную власть. Я всегда был как в огне, кипел, читал книги, чтобы не соглашаться с книгами... мнение любимого товарища было для меня авторитетнее имени великих учителей человечества..." И далее: "Ассоциации иные, логика, вера сумасшедшая... спорщик я был отчаянный... и дерзкий. И ненавистей у меня было много". Разумеется, как полагается, "Титан" мечтал сделаться разбойником...

Подросток Сеня, кроме "презрения к миру", питает трогательное чувство к брату Павлу, который с особенной нежностью вспоминает это время.

"А как сладки бывали так называемые нами "Египетские ночи". Когда мы ложились спать, либо он забирался ко мне в кровать, либо я к нему, и начинались бесконечные беседы... Причем, конечно, говорил главным образом Сеня о разных разностях: мелочах дня, каком-нибудь новом любовном

приключении или каком-нибудь художественном замысле. Эти "Египетские ночи" — одно из драгоценнейших воспоминаний моей жизни..."

Сеня все пишет, ходит по редакциям, ему неизменно возвращают "рукописи"... но это его не останавливает — очень уж заманчиво писание, да и внутреннее сознание подкашивает его, что его писания — что-то важное, что непременно нужно писать... И в самом деле: в это время вырабатывается им тема его будущей "Улицы", позднее — "Распада" и многих других рассказов. В "Клочках прошлого" Семен Соломонович пишет: "В шестнадцать лет я сделал себе привычку писать днем при зажженной лампе. Я запирался на ключ в детской, закрывал ставни, набрасывал на себя шаль, зажигал лампу и писал страшные рассказы. Это был сумбурнейший период моей жизни. Я мучился всяческими вопросами: религиозными, метафизическими, моральными; в особенности, помню, терзал меня вопрос о существовании Бога. Достоевского я просто обожал. Под влиянием чтения Достоевского я долго носил яд в кармане, чтобы покончить с собой, когда "наступит момент".

Конечно, стаж аптекарского ученика приходится кое-как, с неприятностями всякого рода. Хотя и очень юный, будущий помощник провизора ухаживает за барышнями, заводит знакомства, учится со старшим братом в танцклассе "старика" Цорна, пишет, увлекается "малороссам"³⁰.

В это время Семен Соломонович знакомится с Полиной Финкельштейн, и начинается роман... С виду веселый, беспечный, Семен Соломонович, как всегда, волнуется, мучается, он не может не чувствовать всей ответственности положения, не может не сомневаться в будущем, да и в настоящем.

Ученический стаж оканчивается, он едет в Киев и там сдает экзамен на помощника провизора. К этому времени его роман обрывается в драму.

Уйдя однажды из дому, никого не предупредив, он женился... Ему тогда было семнадцать лет. Отца это известие так поразило, что он зарыдал, как ребенок, и сгоряча проклял сына...

Первое время Семен Соломонович жил у тещи, но это была не жизнь, а ад. Семен Соломонович служил тогда в аптеке, потом перешел в другую, но — при своем бесполом нраве — нигде не мог ужитья. Жалованье получал ничтожное — 10 рублей в месяц, пытался заняться перепиской... Потом остался без места и переписки с беременной женой на руках. Поманили его на место в Березовку — он уехал туда с больной женой и вернулся ни с чем... Он всюду метался, ездил, но нигде не находил места.

Мать смягчилась первая, стала втайне помогать сыну, встречаться с ним; но отец был непреклонен. Правда, он начал приходить к обеду раньше обыкновенного и уходил так, чтобы дать возможность пообедать у себя молодым...

Жена Соломоновича родила сына Павла и во время родов умерла.

Рождение ребенка окончательно смягчило стариков, и Семен Соломонович вместе с ребенком был принят в отчий дом.

Это было в 1888 году; в этом же году семья Соломоновича переехала в город. Дела пошли плохо, старики устали. Меж тем братья, сестра уже были в старших классах; поступить в университет нельзя было, так как тогда для евреев нужна была при аттестате золотая медаль, а дети много работали дома, помимо гимназии, о медалях не думали, вели себя странно, водили знакомства с таинственными студентами... Родители ничего не понимали, волновались. Хотя отец настаивал на высшем образовании детей, но не было необходимых средств. Дом, полученный Соломоном Мойсеевичем по наследству от отца, был заложен в банке, отягчен частными закладными. Потом векселя, множество векселей...

Эта эпоха жизни Семени Соломоновича вошла некоторыми чертами в его "Распад"; к сожалению, только одна мать списана с натуры. Ее "монологи" характерно рисуют тогдашнюю семью Соломона Мойсеевича. Маленький Сеня с пеленок слышал эти бесконечные монологи и впитывал как губка ее юмор, ее гибкую речь, ее знание людей и жизни. Это они, ее надоедливые речи, все об одном и том же, сделали из Семени Соломоновича великого мастера диалога.

Но не только мать, а и Соломон Мойсеевич был человеком одаренным. Когда дети уехали за границу, он им писал замечательные письма. Одесса того времени переживала свои цветущие годы, и памятником ее богатства остался замечательный театр. Город давал театру царские субсидии, благодаря которым в Одессе долгое время была одна из первых опер в мире, конечно, по старой традиции, итальянская. В семье Соломона Мойсеевича молодежь с ума сходила по Джанини, Прево, Гверчи, Арамбуро...

Семен Соломонович, у которого был хороший тенор, пробует учиться петь. Начинает, бросает, меняет учителей... И только операция в горле окончательно отживает его от артистической карьеры.

Семен Соломонович служит в аптеках, но, по обыкновению, не уживается с хозяевами. Слишком он был свободолюбив, да и не любил своего ремесла. И хозяева имели основание быть недовольными своим "провизором", который при всяком удобном случае заводил с аптекарскими учениками споры на "высокие темы", карточную игру, был дерзок, и его острый язык не щадил ни товарищей, ни хозяина. И, в то же время, Семен Соломонович много пишет, заканчивает похождения "Кара Тарара"³¹, рассказ "Павлов и Бобров", который был впоследствии напечатан в "Мире Божьем" под названием "Записки студента Павлова", но все это тогда было по-детски несовершенно. Пишет и многое другое, но все отвергается ненавистными "бородатыми" редакторами. В это время он познакомился с Бароном Иксом³², тогда знаменитым одесским журналистом, бывал у него на "журфиксах", на которых собиралась вся культурная Одесса, там-то он и получил литературное крещение.

Однако безнадеем путешествие по редакциям продолжалось в течение двух лет, показавшихся бесконечными... Но настойчивость и работа делают свое дело. Рассказ "О том, как Иван Ильич полюбил и разлюбил", наконец, был принят А.В. Кругловым в "Одесский листок".

"Трудно словами рассказать свою радость, — пишет Семен Соломонович в "Клочках из прошлого". — Такие радости не часто бывают в жизни — может быть, раз, другой... Да и не радость это, а что-то большее... Дни до появления рассказа в печати я провел, как в угаре. Вспомню, что напечатано, и что-то крепко и сладко обожжет сердце... Ах, милые, чудные минуты!"

С тех пор Семен Соломонович от времени к времени начал помещать в "Одесском листке" маленькие рассказы.

Но что же делать дальше? Провизорство дает гроши, такие же гроши дает "литература". В конце концов, Семен Соломонович выбирает профессией медицину и едет в Париж.

Так как у него не было полного гимназического аттестата, пришлось подготовиться к "башо", который он благополучно сдает и поступает на медицинский факультет Парижского университета.

Первое время Семен Соломонович получал поддержку от отца, но скоро присылки денег прекратились, и он был предоставлен самому себе. К этому времени в Париж приезжает Михаил Соломонович, тогда студент Венского университета, и тоже поступает в университет. Братья жили вместе. Приходилось трудно.

²⁹ В "Клочках из прошлого" Семен Соломонович говорит, что ему было тогда около 13 лет. Павел Соломонович Юшкевич это опровергает.

³⁰ В это время почти каждую зиму приезжала в Одессу труппа Кропивницкого с Заньковецкой, Садовским, Саксаганским в расцвете их таланта.

³¹ Семен Соломонович эту "поэму" сжег.
³² С.Т. Герцо-Виноградский.

Семен Соломонович поступает в хор церкви Сэн-Жерве, потом в хор симфонических концертов Аркура, занимается массажем.

Университет на первых порах мало увлекал его, и только впоследствии он занялся медициной вплотную. Он много работает, читает, пишет, посещает эмигрантские кружки, где всегда остается в оппозиции, тяготея, однако, влево. Публично Семен Соломонович не выступал никогда, но очень любил поспорить. "Я не помню случая, чтобы он (Семен Соломонович) когда-нибудь с кем-нибудь был согласен", — рассказывает брат Михаил Соломонович. Эта черта чрезвычайно характерна для Семена Соломоновича, всегда ищущего своей "правды", которой только и верил. Ходил Семен Соломонович на эмигрантские собрания обыкновенно с приятелями, жестоко высмеивая, издеваясь над новоявленными пророками. И ничего нет удивительного: люди, с которыми встречался Семен Соломонович, знали о жизни понаслышке, были книжниками, тогда как его воспитала сама жизнь, которая не укладывается ни в какие партийные "лозунги", вечно меняется и во внешних формах, и в своей условной "правде". По природе импрессионист, анархист, Семен Соломонович никогда не был так называемым человеком "убеждений", его мысль была причудлива, подвижна, часто парадоксальна, нередко он доводил свою мысль до чудовищного гротеска, но не сдавался никогда, в последнюю минуту всегда находя выход такой же неожиданный, как и сама мысль.

Жил Семен Соломонович жизнью очень характерной для большинства русских. Почти ни с кем из французов не сблизился, не интересовался ничем, кроме своих работ, своих мыслей, даже университет долгое время был на втором плане. Он, между прочим, кроме литературных работ, которые с каждым годом захватывают его все крепче, пишет множество писем друзьям, чрезвычайно интересных.

Живой, горячий, он часто увлекается; одно из таких увлечений едва не окончилось браком. Он очень страдал от измены любимой женщины.

Семен Соломонович не каждый год, но приезжал в Одессу навестить родных, повидать сына, который чуть ли не со дня рождения жил в семье отца.

Маленький Павел называл бабушку "мамой", дедушку "папой", а отца Сеней, долгое время считая его как бы братом...

В один из таких приездов он знакомится в семье невесты брата Михаила со своей будущей женой, Анастасией Соломоновой Зейлингер, которой тогда было двенадцать лет. В другой — застаёт отца, умирающего от мучительной неизлечимой болезни. Врачи допускали, что эту болезнь он мог получить от голубей.

Соломон Мойсеевич умер в 1895 году, в больнице, пятидесяти шести лет.

В том же 1895 году семья Зейлингеров приехала в Париж, и там была отпразднована свадьба брата Михаила. Он женился на Софье Соломоновне Зейлингер, старшей сестре Анастасии Соломоновны, в которую со всем пылом молодости влюбляется Семен Соломонович. Анастасия Соломоновна, прожив зиму в семье сестры, уехала в Одессу. Несомненно, мысли о женитьбе делают то, что Семен Соломонович работает тогда в университете уже по-настоящему. Но все-таки не забрасывает и литературу. К тому времени накопилось множество заметок, набросков, начатых рассказов.

* * *

В конце студенческих лет, около 1900 года, Семен Соломонович посылает в "Русское богатство" рассказ "Портной", который был встречен Короленко в высшей степени доброжелательно. Потом Семен Соломонович посылает туда же первые главы "Распада", но Короленко находит их слишком мрачными.

Семен Соломонович, конечно, был чрезвычайно огорчен, но это никак не повлияло на работу, в нем жила слишком большая уверенность в себе, неудачи как бы вызвали взрыв энергии. И действительно — в результате появился первый большой рассказ "Ита Гайне", сразу создавший Семену Соломоновичу известность.

Почти все, что было написано Семеном Соломоновичем в парижский период, носит характер безнадежности — беспросветной, удушающей.

Казалось бы, жизнь в мировом городе, славившемся легкой, веселой жизнью, молодость, кипучий нрав Семена Соломоновича, наконец, его любовь к прелестной девушке — все это никак не отражается в его тогдашних произведениях. "Семен Юшкевич" — настоящий, сияющий, с его юмором, сатирой и романтическими видениями — еще весь впереди... Семен Соломонович не раз говорил: "Достоевский дал мне в руки перо".

В 1901 году в Одессе Семен Соломонович женился на Анастасии Соломоновне Зейлингер и уехал с молодой женой в Париж.

В 1902 году были сданы все зачеты; случайно было отложено писание диссертации, которую так и не написал Семен Соломонович...

М. Горький обратил самое живое внимание на начинающего писателя. В 1913 году был издан в "Знании" первый том "Семена Юшкевича", два года спустя был переиздан — и с тех пор произведения Семена Соломоновича стали помещаться в сборниках "Знания". В то время для молодого писателя это была величайшая честь.

Со славой пришло и денежное благополучие, и вместе с Семеном Соломоновичем свободно вздохнула и вся семья.

Семен Соломонович говорил, что обязан Парижу всем: там он получил образование, там сложилось его миросозерцание, там прошли счастливейшие студенческие годы... Так ли это? Кто знает произведения Семена Соломоновича парижского периода, тому ясно, что он воспитанник русской культуры. Это был человек, лучше всего знавший и любивший только свой народ, крепко, душевно связанный только с ним, с его мечтами, с его страданиями, и ничего удивительного нет в том, что лучшие его произведения — именно из еврейской жизни.

Семен Соломонович начал свою литературную деятельность суровым реалистом русской школы; но уже в начале 1900 года задумывается над символизмом, литературные формы претят ему академическим шаблоном. Если бы Семен Соломонович не был по природе драматургом, можно было бы допустить, что он начал писать пьесы из ненависти к условностям прозы... Уже в 1900 году он делает наброски к пьесе "Чужая", пьесе символической, которая пережила целый ряд вариантов и занимала его внимание всю жизнь. "Все в масках, кроме одной", написанная в 25 — 26 годах, это в некоторых частях все та же "Чужая".

Еще с 1900 года Семен Соломонович зажил полной жизнью, почувствовав, что он писатель. Еще одно событие, и жизнь Семена Соломоновича становится уже определившейся надолго. Это событие — рождение в 1903 году дочери Натальи, которое прошло не то чтобы незамеченным среди завязавшихся литературных отношений и большой работы, но Семен Соломонович не проявил сразу той необычайной нежности и восторга пред жизнью, которые ему внушали не только дети, но и беременные женщины... и только впоследствии это событие сказало во всей своей величине.

Это было время большой работы и большого подъема духа. И как раз в эту пору успехов, надежд, любви закрадывается в душу Семена Юшкевича мрачная тревога — он боится преждевременного увядания, ему опять, как в детстве, мерещится смерть... Этот неожиданный момент проходит как бы бесследно; но так ли это было на самом деле?

В 1904 году он работает над "Евреями", и в следующем году эта повесть выходит в сборнике "Знания" без последней главы, которая была урезана цензурой, это было после Кишиневского погрома. Время было тревожное, всюду шли аресты. Семен Соломонович волновался, боялся за сына, которому шел восемнадцатый год, за брата жены, юношу. Несмотря на то, что необходимых денег для путешествия не было, во имя спокойствия близких Семен Соломонович со всей семьей едет в Берлин, чтобы там пережить тревожное время.

В Берлине в один месяц он написал пьесу "В городе" — такой tour de force под силу только опытному драматургу... Но это была его первая пьеса. Этот взрыв творчества свидетельствует, что театр — его природное дарование, и неудивительно: едва он прикоснулся к кладу — он ему дался с места.

Как раз в 1905 году Московский художественный театр гастролировал за границей. Семен Соломонович встретился с труппой в Вене и прочел пьесу Немировичу-Данченко, который так заинтересовался своеобразной новинкой, что даже выдал аванс. Но в Художественном театре пьеса не пошла. Такие ошибки часты в театральном мире; пьеса по-настоящему была оценена только много лет спустя, за границей. В России она увидела свет в следующем году — в постановке Мейерхольда.

Сцена — хотя бы со своими условностями и рутинной, которые были так ненавистны Семену Соломоновичу, — все же ближе подошла к его горячему темпераменту; рама беллетриста оказалась для него тесной. У него было природное чувство к лаконизму сцены, он органически чувствовал секрет сценического движения.

Успех вскружил голову Семену Соломоновичу, творческий мотор горячо заработал, и он в том же году, летом, написал пьесу "Король".

И опять успех — неожиданный, головокружительный! "Король" принят на сцену Александринского театра!

Пьеса уже была срепетирована, прошла генеральная репетиция... но кому-то из власть имущих не понравилась, и без объяснения причин "Король" был снят с репертуара...

Пьесой очень заинтересовалась Савина, которая употребила все свое влияние на защиту "Короля"; но и всемогущей тогда Савиной не удалось отстоять его для Александринской сцены. Савина была капризна, упорна и добила своей настойчивостью того, что "Король" — в том же составе актеров, что и на генеральной репетиции — пошел в Михайловском театре в пользу Театрального общества. "Король" шел три дня подряд.

Этот "неуспех", однако, стоил большого успеха. О начинающем драматурге заговорили, скандал с комментариями облетел всю театральную Россию, все театры. Этот неуспех дал театральное имя Семену Соломоновичу.

Савина ставила талант Семена Соломоновича чрезвычайно высоко, она называла его "вторым Островским", "наследником Гоголя" и в глаза, и за глаза. И правда — это не было пустой любезностью, каждую новую пьесу Семена Соломоновича она встречала с величайшим интересом и вниманием. Кажется, больше других пьес ей нравилась "Комедия брака" — несмотря на хлопоты перед дирекцией Императорских театров, Савиной на этот раз не удалось ничего добиться. Она отдала пьесу Суворинскому театру, который хотел ее поставить, но Семен Соломонович уклонился от этой чести...

Савина до конца жизни любила пьесы Семена Соломоновича. И уже незадолго до смерти она снова с молодой настойчивостью требовала постановки "Менделя Спивака" на Александринской сцене. Это было в конце 1914 года. И снова повторилось почти то же, что с "Королем" — "Мендель Спивак" прошел (один раз) в Мариинском театре в пользу того же Театрального общества⁹. Играла и Савина в этой пьесе маленькую роль. Это было ее последнее выступление на сцене...

После "Короля" была написана пьеса "Деньги" и поставлена в 1907 году в театре Коммунарской еврейской части публички устроила скандал. Пьеса была освящена, снята с репертуара и, кажется, больше нигде не появлялась.

В начале 1900-х годов в русской литературе царил Чехов, это было время прославления маленьких незаметных героев обыденной жизни. Героические времена прошли. Это раздражало Семена Соломоновича. Ему хотелось дать большую типичную фигуру, и он задумывает "Леона Дрея", своего любимого героя, который его занимает много лет.

Первый том "Леона Дрея" вышел в 1908 году.

Ни одно произведение Семена Соломоновича не вызвало таких нападков, не сопровождалось такой шумихой, не принесло столько огорчений. Но Семен Соломонович верил только себе и написал впоследствии еще два тома приключений Леона Дрея...

Тип Леона Дрея занимал его давно, уже в "Ите Гайне" подвизаются два "маленьких" Дрея: Михель и Яша. Леон Дрей — это, конечно, уже "тип", доведенный до гротеска. История рассудит, кто был прав: автор "Дрея" или его зоилы. Леон Дрей принес огромную популярность автору (впоследствии появился на экране кино). Параллельно с "Леоном Дреем" Семен Соломонович замыслил большой рассказ из нравов одесской Дерибасовской улицы. Он пишет его с большим увлечением, и, как всегда, последняя работа ему нравится больше всего раньше написанного, которым он вообще мало интересовался. Семен Соломонович любил повторять: "Нужно писать последним пером", — т. е. со всем напряжением сил, как будто с последней страницей обрывалась жизнь самого писателя.

Он придавал такое значение "Улице", что даже подумывал: не может ли эта картина нравов виться перед парижским медицинским факультетом как вольная теза?...

Разумеется, и "Улица" — по тем же причинам, что и "Леон Дрей", "Ита Гайне" и др. — возмущает еврейское общество, которое упрямо повторяет: нет у нас сутенеров, проституток, шулеров...

Почти всю писательскую карьеру Семену Соломоновичу сопутствовала вражда — частью со стороны еврейского общества, частью русского (по разным, впрочем, причинам). Еврейское общество не могло пропустить его сатиры на буржуазию, как не хотело видеть трагедии разложения староза-

ветной семьи, нравов. Еврейское общество начала века любило своих старых писателей, живописующих быт еврейства, получившего, прежде всего, религиозное воспитание в вере отцов; оно привыкло видеть в художественном изображении только положительные типы, совершенно закрывая глаза на те перемены, которые произошли в мире за последнюю четверть прошлого века. Иные зоилы уверяли, что Семен Соломонович попросту не знает еврейского быта... Долго не могло примириться с Семеном Соломоновичем и русское общество, которое не могло привыкнуть к испорченному русскому языку, на котором говорили в городах "черты" еврейские ремесленники, маклеры и прочий рабочий люд.

Вопросом о том, что такое Семен Юшкевич как писатель, с его таким необычным театром людей, со странным нерусским языком, разрешили не те, которые должны были это сделать, не еврейское или русское общество, а публика, которая, не дозревая того, присоединилась к оценке таланта Семена Соломоновича, сделанной Короленко, Горьким, Савиной, Немировичем-Данченко, Горнфельдом и многими другими.

Нападки в обществе и в печати, разумеется, доставляли Семену Соломоновичу множество огорчений, обид. Но огорчения сменялись радостями — жизнь брала свое. Эти радости Семен Соломонович находил в семье. Когда Наташа была крошечной девочкой, он сам ее купал, кормил, рассказывал сказки, которые тут же сочинялись — он их мог рассказывать целыми днями! — по поводу первого бросившегося в глаза предмета. Когда Наташа подросла, он научил ее читать, рассказывал исторические эпизоды, рассказывал о чудесах химии. Но не одна семья доставляла ему те маленькие удовольствия, которыми мы по преимуществу и развлекаемся. Он любил и отдохнуть от семьи. Захватив с собой сотню "своих" папирос, он обыкновенно увлекал приятеля на целый вечер куда-нибудь в кафе, бильярдную; он любил угостить, помянуть, пошутить. Были у него приятели и совсем юные; нередко его можно было встретить с неожиданным субъектом — бюроком, который оклеивался другом детства. Да ведь это буквально повторялась в нем черта его отца, который тоже любил куда-то уходить, встречаться с приятелями, раздавать деньги...

"Отец вел дела спустя рукава и считал, что незачем особенно трудиться, если в том нет особенной надобности..." — рассказывает Михаил Соломонович про отца. Таким же бесребреником был и Семен Соломонович. При его громадной выносливости, быстроте работы ему ничего не стоило наводнять газеты и журналы своими произведениями, быть богатым, но он довольствовался необходимым. То, что Семен Соломонович работал немного, сослужил ему хорошую службу — за громадный период времени он не написал, за небольшим исключением, ничего слабого. Мелких, "хлебных" рассказов, фельетонов он писал очень мало.

Приблизительно в 1907 — 1908 годах Семен Соломонович знакомится с одесскими художниками, с их "четвергами", которые с небольшими перерывами, видоизменяясь, существуют в Одессе по сей день и живут больше 30 лет. С художниками Семен Соломонович встречается близко впервые. Его все интересует в новой среде, так не похожей ни на какую другую. Он поражается, до чего эти люди дорожат друг другом — одна болезнь могла удержать от посещения "четверга". Даже жены художников, лютые враги "четвергов", были бессильны расстроить это содружество (жены художников не допускались на "четверги"). Молодые и старики часто веселились, как дети, на своих "четвергах". На "четвергах" Семен Соломонович встретил ту самую дружбу, которую он знал только в детстве, и, пройдя уже половину жизненного пути, наконец, встречает ее снова.

Величайшая его похвала новому знакомому была: "четвергист". Как и всюду, где он считал себя дома, так и на "четверги" он приносил оживление, смех, всегда он был во власти играющей в нем мысли, часто не оформленной, уязвимой — и нередко Семену Соломоновичу жестоко доставалось от дружественной критики... Он никогда ни с кем не соглашался, и его трубный глас покрывал все голоса.

Семен Соломонович заинтересовался живописью, которая была ему чужда, хотя он и прожил в Париже десять лет. Он признавался, что "не видит, а только слышит", что ему непонятны краски, пейзаж. Тогда же он начал собирать этюды, картины, с большим вниманием прислушиваясь к тому, что говорилось об искусстве. Кое с кем из художников он подружился.

Мало знакомые с ним люди его не понимали; он нередко отпугивал своей прямо-

⁹ В начале настоящего — 1927 — года в Нью-Йорке "Мендель Спивак" шел с огромным успехом.

КРАТКАЯ ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ СЕМЕНА ЮШКЕВИЧА

(Продолжение. Начало на 11 — 13-й стр.)

той, резкостью суждений и этим наживал множество врагов. Что это был за человек, который, не соизмеряя своих сил, брался за вопросы, заведомо неразрешимые? Однако именно эти вопросы и волновали его. Он бился над вопросом, как выйти из узкого круга обычных человеческих отношений, освободиться от опеки морали, которая ему уже не нужна, от религии, которую он уже изжил. Ему мерещилась жизнь в новых формах, которая была заманчива только как наем отдаленного, но как только он подходил к ней вплотную — с ужасом видел, что он опять в цепи ненавистного "круга"! Он как бы чужд был мистике, вопрос о бытии у него полностью разрешался на земле. Он ничего не имел против пенатов, но отрицал Бога... Был суверен. Многие думали, что этот большой человек, казавшийся таким жизнерадостным, с громким голосом, размашистыми манерами, любитель вкусовых ощущений, посетитель кафе, клубов, бильярдных — просто любитель "пофилософствовать"... Но это только казалось тем, кто его встречал мельком, и, вероятно, мало кто догадывался, что недоумения перед жизнью и смертью его глубоко потрясали. На "четвергах" он встречал людей, свободных от условностей, там он был понятен, нужен и любим. Часто четверговые беседы заканчивались только на заре где-нибудь в ночном ресторане или в бесконечных прогулках в нежных предутренних сумерках, среди пыльных дорог, среди уснувших садов и дач. Этот период жизни Семена Соломоновича — его счастливейшие годы, хотя ни он, ни его тогдашние друзья этого не подозревали...

Знаем ли мы, чужим ли мы счастье на земле? Не кажется ли нам, что сегодняшний день — это только прелюдия к чему-то лучшему, "настоящему", которое должно прийти? Только очень редкие люди наслаждаются жизнью непосредственно. Сколько тогда было разговоров о ничтожестве жизни, надоедливой, повторяющейся в замкнутом круге, из которого разве только революция может вывести... Семен Соломонович и его друзья были совершенно искренни, они были из тех несчастливцев, которые тяжело переживали жизнь.

Иной раз, указывая слабые места своим коллегам, Семен Соломонович любил уподоблять выражение: "Здесь не работало сердце, здесь нужно дать поработать сердцу..." Даже тогда, в его счастливейшие годы, когда он достиг особенной полноты и силы творчества, когда материальные заботы уже выпали из обихода мыслей, его не оставляли печальные сомнения о непрочности пресловутого земного "счастья", о страшной роли случайного... А сердце все "работало" — и "работало" горячо.

В 1909 году Семен Соломонович рано выехал на дачу. Слишком радостно в тот год волновали его задуманные им пьесы. Он ложился в 9 часов вечера, рано вставал. Он хотел воспользоваться тем, что друзья его по "четвергам" выезжали на дачи обычно поздно, а встречи с ними, как ни были приятны, оттягивали от работы.

Работал он всегда быстро, но не много; но тут, изменяя своему обычаю, засел за работу основательно. В это счастливое урожайное лето он написал две пьесы, на редкость удавшиеся, чудовищно противоположные и по содержанию, и по значению: это были "Miserere" и "Комедия брака". Радость творчества и удача этого лета надолго озарили его жизнь.

Также легко, без особенных трений прошли обе пьесы по России, принесли и новую славу, и большие деньги.

В 1910 году "Miserere" впервые прошла в Московском художественном театре — заветная мечта каждого русского драматурга увидеть свое детище в Художественном театре, наконец, сбылась!

Хотя "Комедия брака" пользовалась всюду громадным, исключительным успехом, были в ее триумфальном шествии и опасные моменты. В Киеве, например, еврей-

ское общество было чрезвычайно возбуждено и возмущено пьесой, где автор позволил себе осмеять еврейскую буржуазию, которая якобы ничего общего не имеет с еврейской жизнью, сплошь выдуманная и т. д. Решено было устроить публичный скандал. В большом зале Литературно-художественного общества, битком набитом, судили пьесу и автора, который случайно присутствовал на "митинге". Были подготовлены подходящие "ораторы", предполагалась уничтожающая критика... Хотя "негр" и сделал свое дело, но как-то случилось, что митинг окончился "оправданием" и форменным чествованием Семена Соломоновича...

Между прочим, зародыш "Комедии брака" или, вернее, ее эпизод, сцена первого действия, навеян картинкой И. Грабаря, изображавшей ряд женщин не то на вечере, не то в приемной у врача.

В 1911 году была написана и поставлена в Одессе пьеса "Бес", вокруг которой разгоралась чрезвычайно характерная комедия.

В это время в Одессе издавалась копеечная газета "Одесская почта" уличного пошиба, составившая своему хозяину, некоему г-ну Ф., миллионное состояние. И потому, что "Беса" восхваляли "Одесские новости", с которыми "Одесская почта" всегда враждовала, и потому, что "другу народа" г-ну Ф. казалось, что эта пьеса враждебна еврейству, он поднял целую газетную бурю; не было дня, чтобы и автор, и пьеса, и редактор "Одесских новостей" не обливались ушатами грязной воды. Разумеется, и "Новости" в долгу не оставались. Но в Одессе эта полемика только разжигала любопытство, и "Бес" прошел тридцать раз подряд — для провинции случай неслыханный. Неутраченный г. Ф., зная, что пьеса должна обойти города Киев, Харьков и др., повел там настолько энергичную агитацию, что антрепренерам пришлось отказаться от турне.

Семен Соломонович не только не "возненавидел" своего "врага", но и продолжал вести с ним знакомство... Нужно было слышать, как с ним болтал Семен Соломонович! Семен Соломонович, приобретший еще с детства навык обращения с людьми, в веселые минуты часто устраивал самые неожиданные спектакли. Облюбовав "жертву", он начинал играть с ней, как кот с мышью. Пустилки, мелочи, "невинные" вопросы часто приводили "обреченного" в отчаяние, а парировать тем же оружием было нелегко.

Однажды на "четверге" Семен Соломонович уговорил одного господина выложить на стол содержимое его карманов... В карманах оказалось множество неожиданной чепухи. Нужно было слышать, каким конфетансьем в таких случаях бывал Семен Соломонович! Но бывало, Семен Соломонович попадал на строптивую "жертву". Казалось, опасная игра должна вызвать неминуемый скандал, но выходило так, что как-то незаметно "жертва" усмирившись, поглаживаемая по шерсти большой рукой Семена Соломоновича... Нередко "жертва" становилась приятелем Семена Соломоновича.

Годы шли, творческий мотор Семена Соломоновича работал ровно. В 1912 году вышли второй том "Леона Дрея" и большая повесть "Вышла из круга". В 1913 году появились "Голуби", в этой книге Семен Соломонович воспевает голубиную охоту отца, погружаясь в воспоминания детства. И здесь не обошлось без нелепых придириков, на этот раз — блюстителей нравственности... Книга была написана для детей.

Но вот придвинулся 1914 год...

Ранней весной Семен Соломонович выехал в Париж, предполагалось там встретиться с братом Павлом, но встреча не состоялась. Пробыв недолго за границей, Семен Соломонович вернулся домой. Но потянуло опять в Париж, опять поманила встреча с любимым братом, и потом, все были здоровы, веселы, была возможность — можно было покартинничать и полентиться... И снова Семен Соломонович едет в Париж, разумеется, с семьей. Но Париж на этот раз быстро утомил, потянуло домой, потянуло блаженное одесское лето на берегу моря. Семен Соломонович поселяется на люби-

мом Большом Фонтане, как всегда, на одной и той же даче, накупает кур, уток, гусей... Он был настолько активен, что его семья не знала никаких забот по хозяйству; все главное он брал на себя, во все вникал, всем интересовался и при всем том — никогда не был мелочен, плохо считал деньги...

Но вот разыгрывается Сараевское событие — страшный пролог к еще более страшной кровавой драме, унесшей целое поколение цветущих людей. События шли быстрым темпом, и никогда еще человечество не было так взволновано, никогда с таким захватывающим вниманием и ужасом не следило за актерами и статистами войны. Все уже предвидели, что война окончится так долгожданной революцией... Все уже чувствовали, как вклинивается в мир грубо и непреодолимо что-то новое, что к прошлому нет возврата, что для слишком многих жизнь окончена.

Разумеется, Семен Соломонович один из первых пережил все страхи за будущее и все волнения. Для человека исключительно впечатлительного это были не волнения, а настоящие страдания.

Кроткая и умная Анастасия Соломоновича умела смягчать тревогу мужа, поддерживать в нем жизнь, веру в себя, она умела в минуты раздражения Семена Соломоновича помолчать, давая ему тем возможность излить свое раздражение. Но не было возможности успокоиться. Всюду разговоры о войне, нелепые слухи. Семен Соломонович вечно сидит в кафе, в клубах, в редакциях, читает все газеты...

В семье был такой милый обычай — в трудные минуты, супруги говорили друг другу: "Улыбнемся!" И улыбались, и становилось на душе легче...

Но все в мире сем имеет сроки: горе, и радость, и все другое живое — и не так уж и большие. Природа сама заботится о себе, наши чувства быстро грубеют, закладываются в кокон и погружаются куда-то в глубины сознания. Если их не тревожить, то они и замирают, и не мешают жить. Франция, Германия, Австрия больше страдали — и там жизнь почти замерла, но Россия, огромная и богатая, в своем глубоком тылу жила и работала во все время войны и даже в начале революции.

В 1914 году Семен Соломонович написал "Менделя Спивака", в 1915 году — "Человека воздуха", в 1916 году — "Повесть о господине Сонькине" и закончил "Город Иты". Но под конец события лишили минимума спокойствия всех, все растерялись, о работе трудно было думать.

В 1917 году в семье Семена Соломоновича произошли два события: сперва умерла матушка Семена Соломоновича, Анна Григорьевна, потом родилась дочь Нина. После печали — с рождением Нины в семью вошла радость, озарившая надолго дом Семена Соломоновича.

Война на фронтах прекратилась и перебросилась в города, в села. Север фатально оказался под властью большевиков — и за радостью в семью Семена Соломоновича пришли новые огорчения, тревога за драгоценную маленькую жизнь. Семен Соломонович следит за каждым дыханием, за каждым биением сердца своей девочки, записывает каждое ее слово, очерчивает ее крошечные ручки, ножки на страницах дневника? И опять война, теперь на улице, в двух шагах от колыбели ребенка — было отчего волноваться. Начались перемены власти... Город наполнялся бандами грабителей, хулиганов, проходивцев.

В 1919 году Семен Соломонович справил свой 25-летний юбилей в дружеской среде. Потом Литературный клуб устроил чествование, которое прошло слабо — время было смутное: нельзя было появиться ночью на улице, не только снимали пальто, но нередко раздевали до рубашки, грабили и среди бела дня...

В 1919 году был закончен третий том "Леона Дрея".

Этот дневник Семен Соломонович вел до последних своих дней.

В 1918 — 1919 годах Семен Соломонович был редактором издательства типа петербургской "Универсальной библиотеки", которое, несмотря на ограниченный югом рынок, шло прекрасно чуть ли не в 1920 году, уже при большевиках.

Семен Соломонович активно не занимался политикой никогда, и это его спасло от руки военного коммунизма.

В 1920 году нужда впервые постучалась в двери Семена Соломоновича. Почти вся его коллекция этюдов и картин была продана за гроши. Потом пришла очередь вещей...

При таких обстоятельствах в России дольше оставаться было невозможно, и Семен Соломонович решил уехать с семьей за границу. Тогда это предприятие было трудное и рискованное — множество людей погибло при переходе границы, но Семен Соломонович все же уехал.

Так для Семена Соломоновича окончился величественный сон, который когда-то назывался Россией.

* * *

Переход семьи Семена Соломоновича через румынскую границу был болезненным. Если бы не то, что в чемодане оказалась книга с портретом, если бы не то, что арестовавший семью солдат был болен и Семен Соломонович помог ему, если бы вовремя случайно не встретились люди, которые оказались полезны беглецам... Неизвестно, чем бы все окончилось... Судьбе угодно было сохранить семью Семена Соломоновича. Бельцы, Кишинев, Яссы, Букарест. Везде Семен Соломонович устраивал литературные вечера, горячо встречаемый новоявленными "румынами"...

Потом Париж. Европа подействовала на Семена Соломоновича умиротворяюще; но это настроение продолжалось недолго, тоска по родине, по родным и друзьям скоро начала отвлекать счастливые минуты освобождения.

Жизнь без своей земли, ничем не связанная с новыми местами, укладом быта, интересами, скудость писательских заработков в эмиграции, наконец, сознание непрочности гостеприимства бывших "врагов", как и бывших "друзей" — все это глубоко угнетало Семена Соломоновича. Оставалась Америка, единственная страна с колоссальным размахом, еще более огромным, чем до войны.

С трудом, но нашли деньги для дорогостоящего путешествия, и в 1921 году Семен Соломонович с семьей уехал в Америку. Между прочим, очень помогли Семену Соломоновичу несколько этюдов Левитана, вывезенные из России.

Путешествие оживило его. Океан, новая могучая страна поразили его необыкновенно.

И опять Судьба вмешивается в его жизнь... При самом въезде в Нью-Йорк Семену Соломоновичу бросается в глаза афиша, объявляющая о постановке его пьесы "Повесть о господине Сонькине" — разумеется, без его ведома и согласия... Но, несмотря на удачу, которые ему сопутствуют с первого же дня, Семен Соломонович скоро убеждается, что начинать новую жизнь в такой стране, как Америка, поздно, опасно...

В Нью-Йорке сразу завязались полезные знакомства, нашлись и почитатели его таланта, и множество земляков. Но все же оставаться в Америке было страшно. Семен Соломонович прожил в Нью-Йорке около трех с половиной месяцев и вернулся во Францию.

Ресурсов для жизни было на несколько лет. Появилась возможность отправлять в Россию посылки через А. Р. А., и это делает Семен Соломонович широкой рукой, не щадя средств. Сначала он живет в Париже, потом переезжает на лето к морю, в Mers-les-Vains, и там начинает писать. К тому времени относятся рассказы "Автомобиль", "У реки", "Короткая история". Однако тогда в Германии было жить легче, чем во Франции, и Семен Соломонович переезжает в Берлин, потом на лето в Эмс и там с большим воодушевлением, очень быстро написал книгу "Эпизодов" из жизни при большевиках.

Книга была написана так молодо и свежо, юмор ее был так легок и, в то же время, между строк было столько живой правды, что она оказалась тогда единственной значительной книгой о России в первые большевистские дни.

Книга имела очень большой успех; но успехи уже не радуют, не возбуждают Семена Соломоновича. Очень уж его угнетало то, что его близкие страдали в России от холода и голода, болезней...

В 1922 году в книгоиздательстве "Москва" были изданы три тома "Леона Дрея". Союз христианской молодежи⁹¹ скупает все издание и сжигает его. Конечно, был "протест писателей", но событие отозвалось болью в душе Семена Соломоновича.

С виду, особенно на людях, Семен Соломонович был как бы прежним — шумливым, живым, общительным; он посещал открывшийся тогда в Берлине писательский кружок, не прочь был поискать с приключениями бутылку редкого вина, попить, но это был, на самом деле, другой человек — жизнь уже ушла наполовину из мощного тела. Он все чаще и чаще заговаривает о смерти, об ужасе лишиться дыхания, солнца, погрузиться в тот неведомый мрак, который страшнее всех ужасов земных... И не договаривал, не высказывал самого главного, последнего затаенного страха — лишиться обожанной семьи, которая была для него дороже славы, дороже солнца и дыхания.

Наташа, старшая его дочь, училась тогда у Превости. И Семен Соломонович следит за каждым ее шагом, радуется ее успехам, огорчается ее огорчениям, с радостным бением сердца прислушивается к очаровательному тембру ее голоса. Радует его и наполняет семью светом любви маленькая Нина; по-прежнему он ведет ее дневник и любящей рукой вписывает туда каждую мелочь, каждую черточку жизни обожанной девочки, по целым дням рассказывает ей сказки. И, в то же время, безумно волнуется, узнав о том, что брат, Михаил Соломонович, заболел сыпным тифом. Он часто не ел, два месяца не выходил из дома... Посылает телеграммы и "умирает от страха", как он пишет в одном из тогдашних писем.

В следующее лето Семен Соломонович опять в Эмсе, вместе с приехавшими из России братом Михаилом Соломоновичем и его женой. В Эмсе Семен Соломонович, как и в первый раз, поселился в отеле, среди парка, в котором когда-то жил Александр II с княгиней Юрьевской. Этот отель отводили немцы у французов под "Убежище для отдыха ученых и художников". В 1923 году французы в Эмсе немцев не впустили, и поэтому Семен Соломонович с семьей брата являлись почти единственными обитателями роскошного дома среди парка. По иронии судьбы, в бывшем кабинете Александра II-го Семен Соломонович работал над "Эпизодами"...

Для семьи Семена Соломоновича это было самое сравнительно спокойное время за всю эмиграцию. Семен Соломонович наполнял обширный дом жизнью, много читал, спорил, часто бывал шумно весел.

Переехав в Берлин в сентябре, в разгаре инфляции, Семен Соломонович разволновался, в то время очень недвусмысленно стали проявляться ксенофобские инстинкты. Наконец, русские издательства, которых тогда было чуть ли не шестьдесят, стали прекращать свою деятельность. Началась тяга в Париж. Переехал в Париж и Семен Соломонович. Сначала он поселился в окрестностях Парижа, в Enghien-les-Bains, и здесь во второй раз в жизни он перенес сердечный приступ, правда, без последствий, скоро забытый⁹².

В Enghien-les-Bains Семена Соломоновича начала удручать монотонная жизнь, он любил всегда жить там, где было оживление, много людей — и он перебрался в Париж. Прошла вторая книга "Эпизодов", такая же живая, интересная, как и первая. Книга, хотя шла хорошо, приносила ничтожный доход, а сравнительно большие деньги, вывезенные из Америки, уже подходили к концу...

Друзья от времени до времени устраивают Семену Соломоновичу литературные вечера, приносящие только временное облегчение; пришла пора задумываться не о романтическом будущем, а о прозаическом завтрашнем дне.

Нужно было предпринять что-то решительное, но что? Писателю-эмигранту в Европе своими силами трудно выбиться на свободу, и вот Семену Соломоновичу приходит идея создать русский театр. Но если это было возможно в некоторых других центрах эмиграции, то в Париже оказалось невыполнимым. После двух, трех спектаклей пришлось отказаться от мысли о русском театре в Париже.

Кажется, специально для этого была написана Семеном Соломоновичем одноактная пьеса "Домик сумасшедшего", в которой воплотились все лучшие стороны его таланта: юмор, теплое отношение к жизни и великая жалость к людям. В этой драгоценной маленькой картинке выражено столько скорби по утраченной родине, по богатой и свободной жизни, так горячо плачет и тоскует его герой по своему городу, что вряд ли найдется нечто равное во всей эмигрантской литературе. В этой пьесе сердце Семена Соломоновича "поработало" вволю...

Наташа по-прежнему берет уроки пения, потом блестяще выдерживает экзамен в консерваторию, маленькая Нина учится танцам, потом поступает в лицей. Заласканное дитя, капризная и своевольная, она становится не по-детски серьезна, поступает в лицей, усердно посещая студию Преображенской. Начинаются у влюбленных в детей родителей новые заботы, новые радости и огорчения.

Меж тем, его последняя пьеса "Повесть о господине Сонькине" идет с большим успехом в Вене, Берлине. Знаменитая итальянская артистка Грамматика берет пьесу "В городе" в свое турне... Но все же доходы от пьесы слабые, львиную долю пожирают антрепренеры, переводчики, которые очень часто забывают... что нужно платить и авторский гонорар.

Страх за будущее все томит Семена Соломоновича, нужно как-то обеспечить себя — помимо ненавистных литературных вечеров... И вот он присматривается, следит за кинематографом, пробует писать сценарии и пишет их необыкновенно быстро. Изобретательности, забавной выдумки, интриги для интернациональной публики у него находится достаточно, но тут нужно два искусства, неравных; первое и самое большое — пристроить сценарий... И второе — написать его. А для этого нужно погрузиться в совершенно новую жизнь, в ад интриг и всякого искательства.

Но все-таки Семен Соломонович продал один сценарий и, конечно, превозмог бы все трения — это было видно по тому интересу, с которым обращались к нему "летучие" антрепренерские компании.

Семен Соломонович узнает (в конце 1926 года), что в Нью-Йорке идет его пьеса "Человек воздуха", да притом с большим успехом; меж тем антрепренер присылает ничтожный гонорар...

"Нужно ехать в Америку! Спасет только Америка!" Неукротимая энергия Семена Соломоновича, как всегда, возбуждаемая борьбой, и на этот раз побеждает — он находит необходимые средства. Его мучают сомнения, опасения... Он чувствует сердечное недомогание, скрывает это от семьи. Но семья уже чует беду, стремится удержать его от опасного путешествия...

Неумолимый страх пред смутным будущим берет верх, и Семен Соломонович с отчаянием в душе уезжает в Америку.

Семен Соломонович уехал, а с ним ушла жизнь из семьи. Все притихло, перестали посещать друзей, развлекаться, инстинктивно жалась друг к другу — точно уже чувствовали близкую трагедию.

Уехал Семен Соломонович, имея денег только в обрез... Трудный зимний переход через океан, мрачные мысли наложили тяжкий камень на большое сердце.

Но энергии еще много в нем, и он, полубольной, героически впрягается в непосильное ярмо нью-йоркской жизни. Семен Соломонович работает с утра до вечера, только была бы спокойна семья, только была бы весела и здорова семья! Посылаются в Париж письма, телеграммы, радио — он хочет знать все до последней мелочи: кто чем дышит, чего хочет, не болен ли кто? А сам свою развивающуюся болезнь таит про себя... Его нервы так обостряются, что он чувствует: его обманывают. Ведь он знает, что его любимая девочка больна! Знает, что успокоительные телеграммы — только желание семьи не огорчать его...

Письма Семена Соломоновича из Америки полны непрестанного беспокойства, он мучительно страдает от отсутствия детей, жены.

"Я беспокоюсь, а если беспокоюсь, то не могу ничего делать... А с известиями из дома я оживаю на день, на два... — пишет он. — Мои милые, прелестные! Не хочу вдумываться, что я без вас... Даже не знаю, как коротать время... Целую вас и обожаю. Я вас обожаю, целую каждую в отдельности и всех, ибо все три — одно". И всегда один и тот же рефрен: "Главное, берегите себя и мою Нину, не уставайте быть осторожными сами и с ней, чтобы я мог спокойно здесь жить, сколько нужно... О вас стараюсь не думать, но в сердце, глубоко в душе — там само думается: только будьте здоровы и благополучны. Целую вас и обожаю".

И во всех письмах из Америки среди обычного содержания всегда пробивается

дыхание жгучего беспокойства за обожаемую семью. Страшно подумать: все его надежды, все желания, весь мир сосредотачиваются только в детях и жене, которые для него теперь единое, неразделимое целое.

Великая любовь к жизни, к семье, казалось бы, и есть залог счастья? Но был ли счастлив Семен Соломонович — это большой вопрос. Этот вопрос приходится поневоле поставить несколько иначе: может ли быть счастлив человек с большим темпераментом, широким, любвеобильным сердцем, цельный человек, который не умеет наполовину любить, наполовину ненавидеть? Конечно, нет. Ведь на самом деле Семен Соломонович — воплощение матери, "вечно хлопотливой, огорченной женщины". Любящий человек эгоистичен, и каждая пылинка, которая садится на любимое существо, вызывает боль, а жизнь груба. Любящий человек, да притом с большим воображением, конечно, мучник своей любви. Таким мучником и был Семен Соломонович.

Из Америки Семен Соломонович возвращается надорванным, но не показывает вида, что болен, скрывает это от семьи, от друзей.

Замечательно вообще здоровый, никогда ничем особенным не болевший, если не считать ангины, которая одно время одолевала его, он был необыкновенно мнитель. Бывало в счастливые времена: заболит желудком — заваливается в постель, окружает себя старушками-тетушками, ведет бесконечные разговоры... и так мог лежать неделями.

Однажды, это было в Петербурге в 1912 году, он слег, вообразив себя больным холерой, дело дошло до того, что он уехал за границу. Он был болезненно острожен с пищей, без тщательного осмотра никогда не ел, особенно не дома. И вот, когда пришла настоящая болезнь, он становится неожиданно легкомысленным, ест и пьет не вовремя, часто поздней ночью, даже пьет вино, делает все наперекор советам врачей; "назло" неизвестно кому, сердясь, хочет обмануть организм, обмануть себя, близких. Врач по образованию, он слишком все знает; знает, что крепкий организм сам борется с болезнями, которые как бы сами собой и проходят. Верит в благоприятные случайности, надеется, что сердце опять "станет на рельсы", как уже бывало; но становится хуже — он опять замучивает себя мрачными мыслями, неделями сидит дома и при встрече со знакомыми теперь особенно красноречиво, методически описывает, как после смерти труп человека разъедает черви шести пород... великодушный труп человека, упитанный всякой едой и яствами...

И смеется, издевается над врачами, над жизнью, которая так бессовестно "обманула". "Нет! — восклицает он. — Не дам себя червям!" — и заказывает, чтобы после смерти его сожгли. Он охотно говорит о бессмертии, о Боге, совершенно отрицая и Бога, и его проявления в чуде самой жизни и проявлениях еле уловимых сил, эманаций мысли, воли. И в то же время — суеверен, верит в приметы... Он вечно спорит с братом, с друзьями об интригуемом его "тайнственном", от которого самым решительным образом отмахивается, находя, что и ад, и рай только здесь, на Земле. И вот в то же время его тянет к этим разговорам...

Врачи прописывают полный отдых; летом он едет на юг, в Juan-les-Pins; там, у моря он чувствует облегчение, и если бы не то, что Наташа осталась в Париже держать выпускные экзамены в консерватории — было бы все хорошо! Он, конечно, постоянно пишет письма, требует подробнейших ответов... Наконец, дочь в семье. Семен Соломонович чувствует себя настолько хорошо, что, позабыв примитивную осторожность, купается в море, плавает, катает в лодке свою любимую девочку, каждый вечер посещает казино и вообще ведет себя как здоровый человек. И, в то же время, пишет друзьям в Париж, что сердце все же "бухает"...

Из Juan-les-Pins Семен Соломонович заехал к брату в Виши и там заболел серьезно желудком. Вернувшись в сентябре 1926 года в Париж, он, кажется, понял все...

Семен Соломонович запирается дома; его все раздражает — и люди, и шум улиц; он не хочет ни с кем встречаться, ничто его не интересует. Он то педантичен в лечении, то, махнув рукой на все, живет, как хочется, то, несмотря на запрет, работает. Со стороны казалось, что, по природе мнительный, Семен Соломонович все преувеличивает, но скоро это перестало казаться, особенно после того, как он пережил сердечный приступ, настолько тяжелый, что был выписан из Ниццы брат Михаил Соломонович, доктор. И опять сердце начало находить свои "рельсы".

Так как у Семена Соломоновича желудочные недомогания были в связи с серд-

цем, то он был принужден согласиться на жесткий режим.

В это время Наташа получила ангажемент и должна была ехать с труппой в Испанию.

Это было большое событие в семье. Уезжала в первый раз из семьи любимая дочь, одна, в незнакомую страну — пришла сразу и большая радость, и большое огорчение.

Семен Соломонович каждый день пишет письма, малейшее промедление с ответом вызывает телеграммы. Предполагалось даже всей семьей ехать в Испанию...

Семена Соломоновича интересует всякая мелочь, касающаяся дочери, труппы. Каков театр? И где помещается — в центре города или в стороне, и каков сам театр, быть может, "вроде театра на Тернес или вроде театров на больших бульварах?" "Как было твое выступление, что чувствовала?.. Выходила ли раскланиваться один раз, два раза, или совсем не выходила?.. Появляется ли кто-нибудь из публики за кулисами?" — и т. д., и т. д. И, как всегда, постоянные волнения, опасения... "Драгоценная, береги себя — это самое важное, я только об этом и думаю. Будь веселенькой, жизнь моя, не хмурься ни на что, хочони, развлекайся!.. Желаю тебе успеха, дуся, и напиши нам, как решаешь с нашей поездкой в Испанию... Вчера в семь часов аплодировали тебе я, мама и Нина. Обожаю и целую, будь беззаботной..."

Дни без Наташи кажутся бесконечными, а письма иной раз не доходят или опаздывают, ожидания сменяются волнениями, тоской.

"...Скучно — и передать нельзя. Мы весь день говорили о тебе. Ох, если бы уже письмо. Вечером чувствую тебя в театре, аплодируем... Все мои мысли только о тебе и Нине. Но прежде всего — о тебе. Тебе надо уже устраивать свою жизнь, постепенно выдвигаться. И это есть настоящий, живой интерес. Ко всему остальному я стал равнодушен. Даже к писанию. Ну, еще напишешь рассказ, пьесу, несколько пьес, прибавится еще моих книг... А ты — другое дело. Живое, молодое, интересное. Важно развиваться и добиться отличного места в жизни. Целую тебя крепко, крепко, жизнь моя! Веселись, береги себя. Обожаю, твой..."

Суровое лечение с голодным режимом то помогало, то неожиданно Семену Соломоновичу становилось хуже. Михаил Соломонович, все время оставшийся при брате, изучил новейшую литературу о болезнях сердца, но как раз нервные заболевания исследованы меньше всего; слишком непонятно до сих пор эта сторона жизни сердца, которое по внешнему виду остается совершенно здоровым. Обращался Семен Соломонович и к современным знаменитостям, но, и медицинская литература, и практикующие врачи давали ответы неясные, по преимуществу это были общие места.

Последние недели своей жизни Семен Соломонович был на людях таким, как всегда, но все чаще и чаще в его голосе звучали еле уловимые скорбные ноты. Россия, друзья, радость жизни — все в прошлом. Все окончено, жизнь окончена — повторял он не раз при встречах с друзьями.

Неизменно вспоминал Семен Соломонович своего "папу, ничего не боявшегося", его знаменитую голубиную охоту, лошадей. Вспоминал сияющие, голубые дни на Большом Фонтане, море, теплые ночи, долгие прогулки с друзьями... О чем говорилось тогда? О невыносимой, мертвой, однообразной жизни — и это в счастливейшие годы! "Ничего не знаем — дети!" — возмущался Семен Соломонович.

Незадолго до смерти он был у друзей.

Помысли "веселые дни", но уже без вина... Семен Соломонович сидел, сгорбившись, и, лукаво блестя добрыми, грустными глазами, тихо запел песенку о том, что все уже прошло — и прошло навеки...

Только несколько слов, но в них была вложена такая горячая печаль, которой нет выражения на бедном человеческом языке.

Все поняли, были смущены и неестественно весело заговорили о другом.

Спустя шесть дней Семен Соломонович снова навесил своих друзей. Поднявшись на лифте, почувствовав недомогание, он постоял на площадке у дверей и, не позволив, уехал домой...

В три часа ночи Семен Соломонович проснулся от боли в желудке. Пульс не внушал никаких опасений. Потом боль перешла на сердце. Братом, Михаилом Соломоновичем, были приняты все меры к облегчению приступа — и постепенно боли начали проходить.

— Улыбнись мне, — сказала Анастасия Соломоновича, памятуя обычай...

Семен Соломонович улыбнулся жене, закурил папиросу... но закинулась голова, закатились глаза... и Семена Соломоновича не стало...

(Публикация Виталия Амурского, Париж.)

⁹¹ В типографии которого печатался "Леон Дрей".

⁹² В первый раз приступ случился в Петербурге в 1815 году.